

Международный литературный конкурс «Пролёт Фантазии»

Международный литературный конкурс «Пролёт Фантазии» проводится дважды в год, весной и осенью, начиная с 2008 года. Рассказы принимаются круглый год. Работы, присланные до 23:59 третьего понедельника апреля попадают в Весенний Пролёт Фантазии, а присланные до 23:59 третьего понедельника сентября попадают в Осенний Пролёт Фантазии. К участию принимаются ранее не опубликованные (в том числе в Интернет) рассказы на русском языке, написанные в жанре фэнтези, объемом от 7 до 40 тысяч знаков без пробелов. Подробнее <http://fancon.ru/>

Вертячка

– Пошла к Петровичу, – как обычно сказала она, вставая с древней соседской лавки. Поправила на плечах платок.

Скоро и другие по домам потянутся: оживленный разговор сомнется. Наташка не говорунья, а слушательница: а без хорошего слушателя рассказывать-то неинтересно.

Сдался ей это Петрович – ни кожи, ни рожи, ни ума особого, ни характера! Чем приманил-то?

Не скажет. Она вообще молчалива.

Но светится.

Ни с кем не ссорится, тихо живет. И светится.

С чего бы?

«Коленка, правая. Зашиб, что ли? А мазь-то у нас осталась?»

Дверью скрипнула – дом старый, рассохлый. Вошла, платок черный сняла, повесила. Вдохнула.

– Ну, чего? Мазь-то нашел?

– А-а. Ерунда. Синяк только.

Посмотрела на него с улыбкой: поверила.

Отвернулась. Из печи чутунок со щами достала.

Помыли над рукомойником руки, сели вечерять.

Закат летом долгий.

Трехцветная кошка на печи мурчит; ходики тикают; разлапистые герани в горшках алеют.

Занавески чистые, с василёчками. Иконка старая в углу.

Жизнь идет неспешная, деревенская.

Петрович жалел слабых: пьяницу Гераську и его поколачиваемую жену – непутевых соседей. Наталья жалела всех: и слабых, и сильных. «Сильным больше достается, – рассуждала она, – а пожалеть их некому».

И было ей ясно, что пора опять трогаться с насиженного места. В какие-нибудь дальние края. В Сибирь.

И версию для тамошнего участкового придумать. Пожар? Потоп?

– Разбойнички.

– Ну, скажешь! В поезде украли. Кто – не видели.

– Может, обождем еще? Весной тронемся? – похлопал привычно карман, ища курево, которое давно бросил.

– Нельзя: вчера разговор в сенях у Марьи слышала, уходя; покамест дверь за мной не закрылась. Шептали бабы, что молодею, де, и молодею. Зло

шептали. Пора!

Ну, дак что-ж...

Пенсионеров власти особо не трогают. В сельсовете расписки выдали. Про погибшего сына-героя напомнили – с полагающимися лицами.

Дом быстро продали, но дешево.

Погрузили барахлишко и кошку с псом на телегу. Кошку в корзинке; пса ни в чем, на веревке.

Герань не взяли. Взяли его столярные инструменты.

И ее стародавние коклюшки: с ними нигде не пропадешь. Народное творчество.

Перекрестились – и с Богом!

А муторно сначала было на новом месте: долго документы не давали. Запрос, что ли, куда послали?

Присланным через две недели выпискам власти не поверили; слава Тебе, Боже!

Милицейский начальник долго смотрел на Наталью, Петровича и выписки. Курил.

– Какого года?

– Я?

– Вы.

– Тридцать пятого. А он – с тридцать третьего.

– Ясно.

Начальник потер лысину в задумчивости. Наталья решила помочь человеку:

– У нас Клавка, секретарь, даже рассеяна: как влюбится, так и пиши пропало. То путает, сколько в МТС тракторов, то сколько намолотили.

– Ладо, исправим, – решил человеколюбивый милиционер. – Только штраф с вас, за потерю документов, удостоверяющих личность.

– Это уж, как водится, – хором сказали Сидоровы. Засуетились радостно. Глава семьи торжественно положил взятку на начальственный стол.

Есть Бог на свете; жизнь удалась.

– Но ввиду открывшихся обстоятельств, я должен еще послать запрос в райотдел милиции.

Живоглот! Пришлось расстаться с последними сбережениями.

«Может, с девочкой повезет больше? Мальчишки-то все на своей – насильной смертью умирали. И потомков не оставляли».

– Аришкой назовем.

– Ах ты, подслушал! – засмеялась она молодым смехом. Живот большой, круглый

– с девочкой.

(Да к они все время друг дружку так подслушивают, с третьей их семейной жизни.)

Дети, дети! Федора, первенца, опричник заколол. Евстигней – за Уралом пропал, золотоискатель чертов. Митрофанушку, любимца, отравили. Борис во время Ледового похода умер от ран...

Что вспоминать, одна тоска! Много их было, родненьких... Это, вот, Петровичу хоть бы что: в четырнадцати кампаниях участвовал, а раны все только легкие.

Последний сынок, Васятка, глупо погиб: неаккуратно из леса вышел – наравался на полиция.

Орден ему потом дали, за подрыв важного поезда, литературного. Посмертно. Красной звезды.

Партизанен.

И это было хуже всего. Поэтому, что через три месяца после рождения голубоглазой веселой Аришки пришла казенная бумага.

Нет, приехала – бумагу привез человек из районного военкомата:

– Вы родственник Натальи Сидоровой?

– Ну, как бы да, – смешался Петрович.

– Радость у вас большая, товарищ: награда нашла героя. Через двадцать почти лет! Выдвигали его еще в сорок третьем, на героя Советского Союза. Наталья-то Николаевна расписаться сможет?

Всё понял Петрович. Ежели сейчас эта Наталья Николаевна выйдет собственной персоной – ядреная, двадцатипятилетняя, то взяткой не отделаешься.

А ведь выйдет – на голоса-то. Вот только покормит...

Петрович ринулся за занавеску:

– Натальюшка, радость какая для нашей бабули: на сына Василия бумага с орденом пришла – Герой Советского Союза! Ты уж за бабу-то распишись, слепую-то нашу. Ведь можно, товарищ? – выпрашиваясь из занавески, спросил он бодро.

– А бабу-то ваша где? – спешащий военкомовский человек спрашивал, как бы и не строго.

– Да, в больнице, на операции, – заторопился Петрович. – Восемьдесят лет не шутка. Зрение потеряла практически, печень, анализы...

Военкомовский поморщился:

– Ладно, пусть внучка распишется. А мы вам потом пионеров пришлем, ближе к девятому мая. Бабу-то выпишут?

– Выпишут, как есть выпи-

шут, – заверил Петрович.

Радостно закрывая калитку за гостем, отсалютовал, паяц:

– Служу Советскому Союзу!

Черт, куда больше не побежим: что мы, пионеров не видели! Вот жизнь, а.

Наталья голосила за столом – как деревенская баба. Аришка за цветастой занавеской тоже – из женской солидарности.

Орден – красивый.

А любимца нашего, Митрофанушку, завистники отравили.

Аришка сгорела в три дня: в райцентре диагноз неправильно поставили. Четыре годика было.

– А это, Натуся, еще до Батые... Мы с ребятами там играли, в развалинах-то. Ну и увидели...

– А какие они, менгиры и дольмены? Вроде Стоунхенджа? – перебила мужа Натка, закрыв ноутбук.

Натка прекрасная слушательница. Но иногда перебивает.

– Там мало что осталось. Мы ж не копали! А вертячка эта была бесшумной. Посему не сразу ее заметили. Летала она довольно низко.

– И ты мне ничего не говорил, Петрович!

– Да, я ж не знал, что это менгиры, – ты сама только что в интернете прочитала, – супружник даже расстроился.

Натка сидела, глядя в пустоту. Минуту.

Потом спросила:

– А ребят своих рязанских ты потом не встречал? Никогда? Точно не встречал? Это важно!

– Бату окаянный всех убивал. Нас-то с матерью дедведун спрятал. Сбегли мы, попросту говоря. За три дня да Батые. Я ж говорю, дед – ведун! Бежали долго; живы остались.

– А почему он других не предупредил? – строго спросила Натка. (Глазищи громадные, как у врубелевских женщин.)

– Предупреждал! Не верили-с! – уже кричал-нервничал Петрович, бегая по комнате. – Ребятам я тоже говорил, они не верили!

– Я верю-верю, – примиряюще, ласково, по-матерински. (Глаза уже не врубелевские, а как у касаткинских терпеливых баб.)

Остановился. Похлопал по пустым карманам – привычка.

А Натка сидит, ногой качает. Плохой знак. Видно, опять Борис-упрямец под утро при-

Автор:

Кабачек Оксана (Сербия)

снился. Корнет.

«Значит, мы одни такие на белом свете, охо-хох», – вздохнула.

Разлапистые герани в горшках алеют. Ходики тикают. Трехцветная кошка лапкой мордочку моет: гостя приглашает.

А вот незваных гостей нам не надо.

– А, знаешь, Борис сегодня во сне сказал, что у него есть невеста...

Петрович захлопал глазами – и опять по карманам.

– Я вот думаю, может, там ребеночек какой у них остался. А что? – сама себя спросила Наталья. И звонко вдруг, по-весеннему: – Ладно, пойду к новой соседке (ну, той, что с коляской), на шестнадцатый этаж, поболтаю.

Знал Петрович, не глядя: лицо ее светится.

Ну, да, женщина ж.

Поживем еще!

Вот, прямо и не знаю, чем историю закончить. Кажется мне, что живут они и живут – как-то так, мимо нас, в вечность просачиваясь.

А иногда кажется, что не одни они такие.

И что на балконе у меня некогда латы князя Андрея Курбского лежали – которые мой родич О-в должен был для него в Московии заказать, чтоб свою семью из плена сего «просвещенного воеводы» выкупить.

В Юрьев поехала, на холме над городом постояла – и мысль поймала. Поняла: выкупил (ребята деньгу помогли собрать на латы). Тут, тут вот они стояли и обсуждали князь-курбский вопрос.

Может, мы вообще в петле Мёбиуса давно живем? Ходим, спотыкаясь о старинные сундуки, видим чужие сны, поем незнакомые песни.

Может, та заводная детская игрушка на солнышке – обыкновенная вертячка?

Чем дольше живешь, тем меньше о себе понимаешь.